

ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ ОТ МИРА СЕГО» КАК СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНЫ

Медведева Наталья Александровна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, n.a.medv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Аннотация. Предметом исследования являются композиционные и содержательные особенности жанра сцен, имевшего большое значение в художественной системе Островского и направленного на изображение нравов и быта окружающей среды. В статье отмечается, что драматург существенно расширил представление о жанре сцен. Его поздние пьесы указанного жанра – это полноценные произведения с завершённым сюжетом и развитой интригой. В пьесе «Не от мира сего» показана будничная жизнь персонажей с их привычками и развлечениями. Особое внимание обращается на поэтичность последнего произведения драматурга, ярко выраженный лирический элемент, мастерство психологических характеристик. Отмечается психологическая сложность и противоречивость образов и трагедийный характер конфликта, основанного на противопоставлении главной героини Ксении Кочуевой, женщины «не от мира сего», и общества, которым правят деньги и холодный расчет. Раскрывается нравственная проблематика пьесы: в ней ставятся вечные вопросы о душе, грехе, семейных ценностях и отношениях между людьми. Рассматриваются рецензии критиков на пьесу «Не от мира сего», которые её не поняли и не приняли. Делается вывод о том, что в этой пьесе за локальной ситуацией, за изображением отдельной судьбы можно увидеть состояние общества 1880-х годов.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, «семейные сцены», драма, трагедия, жанр, конфликт.

Для цитирования: Медведева Н.А. Пьеса А.Н. Островского «Не от мира сего» как семейные сцены // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 93–97. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-93-97>

Research Article

THE PLAY “NOT OF THIS WORLD” BY ALEXANDER OSTROVSKY AS FAMILY SCENES

Natalya A. Medvedeva, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, n.a.medv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Abstract. The subject of the study is the compositional and content features of the scene genre, which was of great importance in the artistic system of Alexander Ostrovsky and aimed at depicting the mores and life of the environment. The article notes that the playwright significantly expanded the idea of the genre of scenes. His later plays of this genre are full-fledged works with a complete plot and developed intrigue. The play “Not of This World” shows the everyday life of the characters with their habits and entertainment. Particular attention is drawn to the poetry of the last work of the playwright, a pronounced lyrical element, the mastery of psychological characteristics. The psychological complexity and inconsistency of images and the tragic nature of the conflict based on the opposition of the main character Kseniya Kochuyeva, a woman “not of this world”, and a society ruled by money and cold calculation are noted. The moral problems of the play are revealed – it raises eternal questions about the soul, sin, family values and relationships between people. Reviews on the play “Not of this world” of critics who failed to understand or accept it, are considered. It is concluded that in this play, behind the local situation, beyond the image of a separate fate, one can see the state of society in the 1880s.

Keywords: Alexander Ostrovsky, dramaturgy, “family scenes”, drama, tragedy, genre, conflict.

For citation: Medvedeva N.A. The play “Not of This World” by Alexander Ostrovsky as family scenes. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 93–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-93-97>

Пьеса «Не от мира сего», ставшая последней в творчестве А.Н. Островского, предназначалась для бенефиса П.А. Стрепетовой. Работа над ней была длительной вследствие болезни и общей усталости драматурга. 13 декабря 1884 г. А.Н. Островский писал: «... нервы разбиты до последней степени; малейший шум меня пугает; я не сплю и не ем почти ничего» [Островский 11: 304]. 13 августа того же года он признавался: «... работаю по мере сил; но вот беда: сил-то у меня мало становится» [Островский 11: 261]. «Здоровье мое неважно, и силы заметно слабеют», – сообщал он в письме к Ф.И. Бурдину от 1 июля 1884 г. [Островский 11: 258].

Критиками отмечался поэтический характер «Не от мира сего»: «За успех пьесы нельзя поручиться. И знаете почему? Потому что это не столько пьеса, сколько драматическая поэма. Потому что в этой пьесе очень много поэзии, а мы слишком отвыкли теперь от неё» [Васильев <С.В. Флёров>: 5]. Художественную силу последнего произведения Островского С.В. Флёров находит в нравственности, духовном воздействии людей друг на друга и в тех внутренних, духовных процессах, выражающихся в речах, а не в действиях. Подобную мысль высказывает и А.С. Суворин, отмечая, что эта пьеса «даже мало подходит к общепринятому названию “драма” и скорее может быть названа “драматическим стихотворением в прозе”» [Незнакомец <А.С. Суворин>: 3]. Критик под псевдонимом П. К. писал об отражении в «семейных сценах» особенностей эпохи 1880-х гг., когда наряду с лишенными нравственных идеалов людьми появляются новые люди: «Грязь не пристаёт к их чистой душе, не развращает их мысли, но сбивает с толку, заставляет метаться, искать инстинктивно правды» [П. К.: 1].

Критики не принимали во внимание жанровый подзаголовок пьесы, позволяющий «как можно точнее определить особенности формы произведения» [Овчинина 2020: 84] и служащий ключом к его интерпретации. «Не от мира сего» – семейные сцены. Пьесы-сцены становятся неотъемлемой частью репертуара русских театров с середины XIX в.: появляются «драматические сцены и монологи» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «сцены из народного быта» И.Ф. Горбунова, «сцены из простонародного быта» Ю. Ладыженской. Приведенные жанровые подзаголовки указывают на такую черту жанра сцен, как изображение быта определенной социальной среды, типичных обстоятельств. Эти пьесы «не укладываются в границы традиционных драматических жанров, границы, казалось бы, прочно установленные тогдашними теориями драмы» [Алперс 1: 499].

Жанр сцен нарушает законы традиционной драмы, построенной на ярких и зрелищных эффектах, призванных произвести впечатление на зрителя. Уже

экспозиция «Не от мира сего» погружает зрителя или читателя в беспешную жизнь Замоскворечья, ее быт и нравы. В пьесе нет захватывающих событий, запутанной интриги (она только намечена). Драматург считал, что драматические произведения «есть не что иное, как драматизированная жизнь» [Островский 10: 460], поэтому он показывает повседневную жизнь героев с их проблемами, каждодневными заботами и развлечениями. Они живут широко, ни в чем себе не отказывают (Муругов даже признается, что не считает своих расходов), пьют шампанское «для рассудка», посещают оперетту, устраивают пикники с дамами. Главный герой – банковский служащий и ведет такой образ жизни, как принято в этих кругах.

Действие «семейных сцен» отличается динамичностью. Оно предельно сконцентрировано во времени и не выходит за пределы дома Кочуевых. Все события, которые происходят вне его, остаются за сценой: обед, на который зовет Кочуева Муругов, приезд Ксении, подслушанный за дверью Хионией разговор Ксении и Елохова, по-своему истолкованный экономкой Кочуевых.

А.И. Ревякин говорит об особенностях манеры А.Н. Островского, «сосредоточивавшего интерес не на интриге, а на социальных характерах и нравах». Исследователь также замечает: «Любая пьеса Островского, как бы она ни называлась, даже картинками или сценами несет в себе определенный ведущий конфликт: комедийный, драматический, трагедийный и т. д.» [Ревякин: 193]. Н.И. Ищук-Фадеева отмечает такую черту творчества драматурга, как «сочетание бытового и вне- или даже надбытового» [Ищук-Фадеева: 5]. Автор показывает настоящие драмы человеческих судеб, причем людей обычных, средних. Для мира драматических произведений характерен волевой герой, тогда как «человек, чья особенность – в отсутствии характера, не попадавший никогда в пьесу в силу именно этой психолого-эстетической несовместимости, тем не менее необходим драме, если она хочет стать “пьесой жизни”» [Ищук-Фадеева: 5].

Конфликт «семейных сцен» «Не от мира сего» носит драматический характер: Ксения сталкивается с жестокостью и коварством близких ей людей и «умирает от душевного потрясения, не в силах перенести крушения светлых представлений о человеческой верности» [Алперс 1: 512]. Такой финал предопределен всем ходом действия: лейтмотивом становятся слова Ксении о том, что Муругов пришел за ее душой, в диалогах героев неоднократно акцентируется внимание на слабом здоровье героини, для которой любое волнение может стать губительным. Умирает она так же кротко, как и жила: подобно Ларисе Огудаловой, простившей всех перед своей

смертью, Ксения не осуждает мужа и желает ему исключительно добра.

«Семейные сцены» пронизаны тонким психологизмом: действие развивается не за счет внешних событий, а через движение души, внутренние конфликты героини. Это сближает их с психологической драмой. Персонажам Островского, тонкого знатока человеческой души, свойственны «анализ своего внутреннего “я”, внимательное отношение к своему внутреннему миру, активность самосознания» [Наградова: 84].

На протяжении всего действия резко меняется эмоциональный настрой героини: она приезжает взволнованная, затем успокаивается, но появление Муругова вновь заставляет ее нервничать. Особым эмоциональным напряжением отмечена сцена, когда она обнаруживает счета:

К с е н и я. (*Садится в кресло и берёт книгу. Сначала смотрит заглавие, потом перелистывает книгу и находит вложенные Барбарисовым бумаги.*) Зачем это здесь? (*Читает.*) «По старому счёту за коляску для г-жи Клеманс 500. За новый скат колес и гуттаперчевые шины 300 р. (*Смотрит другой счёт.*) За доставленные мадемуазель Клеманс бриллиантовые серьги 2000 р. По старому счёту за взятые ею вещи 1200 р.» (*Хватаясь за грудь.*) Ай! Ах, боже мой! (*Протирает рукой глаза и опять рассматривает счета, потом кладёт их на столик и, медленно поднявшись с кресла, проходит несколько шагов.*) [Островский 5: 470].

Драматург пояснял П.А. Стрепетовой в письме от 29 декабря 1884 г.: «В 3-ем действии Ксения выходит покойная и счастливая, о своих недостатках говорит равнодушно, но, при докладе о приезде Муругова, очень пугается и в разговоре с ним конфузится и путается. При появлении мужа у нее появляется предсмертное просветление: она смотрит ясно, с кроткой улыбкой, говорит с сознанием, но тихо и с расстановкой; после слова “про-ща-ю” голова ее падает на грудь, руки опускаются, вся она углубляется в кресло. Всё это должно быть в одно мгновение, этого момента тянуть нельзя» [Островский 11: 309].

Ксения – чуткий, эмоциональный человек. Ее речь наполнена риторическими вопросами и восклицаниями, а своей возвышенностью и лирической тональностью иногда напоминает стихотворение в прозе: «Ведь это цель нашей жизни, венец всех желаний, торжество! Ведь это та неоцененная редкость, которую ищут все женщины, а находят очень немногие. <...> Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любят, сколько торжествует, что род людской не совсем пал, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могут найти себе оценку. Это святое, духовное торжество, это ни с чем несравнимая радость победы добра и честной жизни над злом и раз-

вратом. Ну, вот и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину?» [Островский 5: 441]»

Ксения пробуждает лучшие чувства в душе мужа, заставляет его задуматься над своей жизнью, но, в отличие от неё, предстающей как некий идеальный образ, Кочуев «насквозь земной человек» [Лакшин: 489] и легко поддается соблазну. Цена нравственную чистоту своей жены, он и сам стремится стать лучше, но слишком слаб для этого. Например, вместо того, чтобы встретить жену, собирается поехать в театр на новую оперетту, оправдывая это тем, что необходимо «хоть только показаться своим».

Снафидина – женщина властная. Как мать она поражает своими принципами, которым следовала в воспитании дочери: ей свойственно показное стремление к чистоте и строгости нравов. Она признается в том, что когда-то хотела, чтобы ее дочь «умерла еще в отрочестве, девицей», оставшись непорочной и безгрешной [Островский 5: 453]. Она уверена в своей правоте, любит, чтобы ей подчинялись и угождали. Ее моральные убеждения лишены внутреннего содержания, в них нет человечности: «...они от настоящей-то нравственности куда-то в сторону ушли», – характеризует ее Ксения. [Островский 5: 453]. Если Снафидина беспокоится о душе, то Капитолина и Барбарисов думают о том, как получить наследство. Ксения замечает: «...сестру я не узнаю: она какая-то корыстолюбивая стала». Родные героини стремятся посорить её с мужем, не думая о последствиях.

Авторский жанровый подзаголовок «семейные сцены» определяет угол восприятия: именно вокруг семьи разворачиваются основные сюжетные линии. «Я семью чту, как святыню», – говорит Ксения [Островский 5: 468]. Ради семьи она готова на любые жертвы: она предполагает, что у мужа финансовые затруднения и намерена отдать свои деньги, только бы помочь ему расплатиться с долгами. Для нее нет больше радости, чем картины семейного счастья, обещанные Кочуевым: «Мы никогда не будем разлучаться. Где я, там и ты; куда я, туда и ты. У себя мы будем собирать только умных, солидных людей. Чтоб не было монотонно и скучно, чтоб разнообразить наши вечера, мы будем приглашать музыкантов, певцов, литераторов, ученых, художников, но только известных, знаменитых, – только таких, с которыми знакомство и приятно, и поучительно» [Островский 5: 460]. Муругов безжалостно разрушает мечты Ксении, считая, что ее идеал существует только в книгах. Он искажает представления о семейных ценностях, сравнивая её с женщиной, которая «минуты не может быть без мужа и очень печалится, что муж не берет ее с собой в окружной суд на кафедру» [Островский 5: 465]. «У порядочного человека везде дом: где он, там и дом», – таково его

отношение к дому, к семье, к семейным отношениям [Островский 5: 428].

Героиням Островского в целом присуще особое мирозерцание: они очень тонко воспринимают происходящее вокруг и ощущают, предчувствуют беду. Этим отличались, например, Катерина из пьесы «Гроза» и Лариса из «Бесприданницы». Но если страх Ларисы был неосознанным («Мама, я боюсь, я чего-то боюсь»), то в случае с Ксенией он приобретает образ вполне конкретного человека. Самым обидным для героини оказывается бездействие Кочуева: он не попытался возразить Муругову и опровергнуть его убеждения, словно с ним соглашаясь. Она ждет от мужа не просто того, чтобы он уделял ей внимание, любил и ценил ее, оставил свой прежний образ жизни, – ей важно быть уверенной в нем, однако доверия нет: «Я знаю, что он меня любит, но положиться на него я не могу...». Как замечает Муругов, «требования Ксении Васильевны слишком высоки»: «...они нам не впору, – очень идеальны» [Островский 5: 467].

В пьесе «Не от мира сего» нет настоящей семьи. Отношения Снафидиной с дочерьми построены на подчинении старшим, а не на взаимоуважении и понимании. Барбарисов, являясь женихом Капитолины, интересуется только деньгами, которые получит в качестве приданого, но и это его не устраивает, он хочет больше. Нет искренности и в отношении Кочуева к Ксении: при всем раскаянии он не меняется и продолжает свой безнравственный образ жизни.

Драматург обращается к животрепещущим нравственным и этическим проблемам, не оставляющим никого равнодушным. Поэтичен и сам образ героини: она верит в высокие чувства и хранит в своей душе идеал чистой и светлой любви вопреки суровой реальности. Одной из тенденций позднего этапа творчества драматурга стало «углубление лиризма, обращение к общечеловеческим ценностям, утверждение этического идеала, повышенное внимание к незащищенному человеку, резко выделяющемуся из окружения своими моральными качествами, сложным духовным миром» [Овчинина 2000: 33].

Для «семейных сцен» характерно наличие законченного сюжета, включающего в себя экспозицию, развитие действия, кульминацию и развязку. В пьесе расширен повествовательный элемент, она наполнена монологами, в которых отражаются взгляды персонажей на жизнь, их чувства, содержатся сведения о событиях, происходящих за пределами сцены. Эти монологи помогают понять характеры героев, мотивы их поступков, особенности среды. Таким образом, как указывает жанровый подзаголовок, пьеса посвящена теме семьи и семейных ценностей, являющейся одной из ведущих в творчестве драматурга. Расширенный Островским жанр сцен позволяет драматургу

изобразить правдивую и художественно убедительную картину действительности 1880-х гг.

Список литературы

Алперс Б.В. Театральные очерки: в 2 т. М.: Искусство, 1977.

Васильев С. <С.В. Флеров> Театральная хроника // Московские ведомости. 1885. 22 янв. № 22. С. 5.

Ермолаева Н.Л. «Не от мира сего» // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 288.

Ищук-Фадеева Н.И. Концепция личности в драматургии. Чехов и Горький // Литература. 2003. № 23. С. 5–12.

Лакишин В.Я. Островский (1878–1886) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475–499.

Наградова Л.С. Особенности концептуализации понятия «Русская душа» посредством ФЕ с компонентом «Душа» в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 81–85.

Незнакомец <А.С. Суворин> Театр и музыка (бенедикт г-жи Стрепетовой) // Новое время. 1885. 10 янв. № 1380. С. 3.

Овчинина И.А. Этапы творчества А.Н. Островского: Эстетика национального быта и характера: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 48 с.

Овчинина И.А. «Эта вещь писана для знатков» (пьеса А.Н. Островского «Не всё коту масленица») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 83–88.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975–1980.

П. К. Новое произведение Островского «Не от мира сего» // Театр и жизнь. 1885. 18 янв. № 32. С. 1.

Ревякин А.И. Искусство драматургии Островского. М.: Просвещение, 1974. 334 с.

References

Alpers B.V. *Teatral'nye ocherki* [Theatrical essays]: in 2 vols. Moscow, Isskustvo Publ., 1977. (In Russ.)

Vasil'ev S. *Teatral'naya hronika* [Theatrical chronicle]. *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 1885, January 22, № 22, p. 5. (In Russ.)

Ermolaeva N.L. “*Ne ot mira sego*” [“Not of this world”]. *A.N. Ostrovskij: Enciklopediya* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], ed. by I.A. Ovchinina. Kostroma; Shuya, 2012, p. 288. (In Russ.)

Ishchuk-Fadeeva N.I. *Koncepciya lichnosti v dramaturgii. Chekhov i Gor'kij* [The concept of personality in drama. Chekhov and Gorky]. *Literatura* [Literature], 2003, № 23, pp. 5–12. (In Russ.)

Lakshin V.Ya. *Ostrovskij (1878–1886)* [Ostrovsky (1878–1886)]. *Ostrovskij A.H. Poln. sobr. soch.* [Com-

plete set of works]: in 12 vols., ed. by G.I. Vladykina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, vol. 5, pp. 475–499. (In Russ.)

Nagrada L.S. *Osobennosti konceptualizacii ponyatiya "Russkaya dusha" posredstvom FE s komponentom "Dusha" v p'esah A.N. Ostrovskogo* [Features of the conceptualization of the concept of "Russian soul" by means of phraseological units with the component "Soul" in the plays of A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2009, № 1, pp. 81–85. (In Russ.)

Neznakomec <A.S. Suvorin> *Teatr i muzyka (benefis g-zhi Strepetovoj)* [Theater and music (benefit performance of Mrs. Strepetova)]. *Novoe vremya* [New time], 1885, January 18, № 1380, pp. 3. (In Russ.)

Ostrovskij A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete set of works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

Ovchinina I.A. "Eta veshch' pisana dlya znatokov" (p'esa A.N. Ostrovskogo "Ne vsyo kotu maslenica") ["This... is written for pundits" (Alexander Os-

trovsky's play "It's Not All Shrovetide for the Cat")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 4, pp. 83–88. (In Russ.)

Ovchinina I.A. *Etapy tvorchestva A.N. Ostrovskogo: Estetika nacional'nogo byta i haraktera* [Stages of creativity A.N. Ostrovsky: Aesthetics of national life and character. DSc thesis]. Moscow, 2000, 48 p. (In Russ.)

P. K. *Novoe proizvedenie Ostrovskogo "Ne ot mira sego"* [Ostrovsky's new work "Out of this world"]. *Teatr i zhizn'* [Theater and life], 1885, 18 January, № 32, p. 1. (In Russ.)

Revyakin A.I. *Iskusstvo dramaturgii Ostrovskogo* [Ostrovsky's art of drama]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, 334 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования: 14.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 09.02.2021.